

ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ МЫСЛИ ЗА ДВА ВЕКА.

А.В. Чаянов

Введение.

Развитию русской сельско-хозяйственной науки и мысли пока еще не посвящено ни одного большого исследования¹ Часто может даже показаться, что в области агрономии только за самое последнее время у нас появились оригинальные русские научные работы и оригинальные русские концепции и, что до открытия в 60-х годах Петровской Сельско-Хозяйственной Академии, в сущности говоря мы не имели ни агрономической науки, ни оригинальны авторов в области сельско-хозяйственной мысли.

Однако, нет ничего более ошибочного, чем этот взгляд. Еще задолго до появления классических трудов Стебута Ермолова и Людоговского мы имели целый ряд поколений русских агрономов, которые во многом заимствуя свои знания из западно-европейских трактатов и практики европейских хозяйств, в то же время, в достаточной степени внимательно приглядывались к окружающей их сельско-хозяйственной обстановке и пытались по мере сил делать собственные обобщения и выдвигать самостоятельные научно-агрономические теории. Пожалуй даже, первые даты наших сельско-хозяйственных трактатов могут поспорить по своему времени с первыми трактатами немецкой науки.

Однако, все же остается несомненным, что влияние

первых наших исследователей и исследований на живую практику сельского хозяйства в предыдущих двух столетиях было значительно меньшим, чем это можно наблюдать в Западной Европе. Наше хозяйство, и крестьянское, и помещное, было в гораздо большей степени стихийным явлением, чем хозяйство Западной Европы, где попытки осознания и теоретического освещения захватили собой довольно широкие круги сельских хозяев.

Поэтому наши трактаты о сельском хозяйстве скорее могут рассматриваться как известный показатель и выразитель мнений и взглядов передовых сельских хозяев, чем как те руководящие руководства, которые в свое время создавали новые события в области сельскохозяйственной культуры.

В самом деле, если не считать отдельных замечаний и хозяйственных распоряжений, в дошедших до нас старых переписках и царских указах XVII века, а также некоторых разделов Сильвестровского «Домостроя», содержащего ряд хозяйственных замечаний, то наиболее ранние, сведенные в некоторую систему, взгляды о сельском хозяйстве мы должны будем найти в трактате Посошкова «О скудности и богатстве», который подходил к сельскому хозяйству с точки зрения экономической политики государственной власти, а, главным образом, в наставлении управляющим сельскими поместьями, которые мы имеем в лице трактата Волынского, составленного в первой половине XVIII века. Обе эти работы в свое время не были опубликованы в печати и поэтому, конечно, не могут нами рассматриваться как начало литературной традиции агрономической науки. Их опубликование относится уже к XIX веку и они являются не более, как историческим материалом для суждения о взглядах и настроениях наиболее мыслящих людей начала XVIII столетия.

Печатная традиция нашей агрономической литературы должна начаться с сочинения переводного — известной «Флориновой экономии», сокращенно переведенной с немецкого на русский язык и изданной в царствование Анны Иоановны при Академии Наук в 1738 году. Эта книга, почему-то совершенно забытая и совершенно не подвергнувшаяся исследованию наших историков сельского хозяйства, несомненно, была первым печатным руководством, к которому могли обращаться наиболее культурные из наших сельских

---

¹ Некоторые сведения о развитии русской с.-х. науки можно почерпнуть из книг:

К. А. Вернер — „Текст к портретам Московского Общества Сельского Хозяйства“. М. 1904.

П. Б. Струве — „Крепостное Хозяйство“, М. 1913 г.

В. Г. Бажаев — „Крестьянское травопольное хозяйство в нечерноземной полосе“. М. 1900.

К. А. Вернер — „Разбор книги В. Г. Бажаева «Крестьянское травопольное хозяйство»“. М. 1900.

Помимо этих книг, главным основанием настоящей работы является богатейшее собрание агрономической литературы XVIII и XIX века, находящееся в библиотеке Института С.-Х. Экономии, в Москве.

хозяев начала XVIII века. Великолепно изданная, в издательском кожаном переплете, на прекрасной бумаге, с целым рядом эстампов, она на 320 своих страницах содержит девять частей, имеющих каждая большое количество глав, трактующих как «о домостроительстве и должностях родителей, и детей, и слуг» и о «генеральных домовых регулах», так равно о всех решительно сторонах сельскохозяйственной жизни. Мы находим в ней подробное наставление о сельском строительстве, о признаках погоды, о распределении явлений сельскохозяйственной жизни по месяцам, о полевом хозяйстве, способах удобрения и подготовки семян к посеву, при чем интересно то, что на странице 138 этой книги весьма подробно трактуется о том способе стимуляции семян, путем вымачивания их в навозной жиже, который совсем недавно, как некая новость, трактовался в нашей литературе; подробно разбираются все вопросы садоводства и огорода, или поваренного сада, о лошадях, коровах, птичнике и ветеринарии, о пчеловодстве и шелководстве, о рыболовстве и рыбозаводстве, а также, конечно, о всех вопросах, связанных с поварней, соленьем и копчением мяса, печением хлеба, белением полотен, изготовлением чая, кофе и шоколада, жарением птицы, варением рыбы, изготовлением салата и лечением всех болезней от почечуя до сонной болезни включительно.

Книга эта, подводящая итоги многим аналогичным ей западно-европейским сельскохозяйственным руководствам и «домонаставлениям», содержит в себе чрезвычайно много самых дельных практических советов и представляет собой, в сущности говоря, полную сельскохозяйственную энциклопедию, содержащую не мало наставлений, не потерявших и в настоящее время некоторого значения.

Ее переводчик, секретарь Академии Наук, Сергей Волчков, не взял на себя смелости снабдить сделанный им перевод какими-либо примечаниями, касающимися применения всего излагаемого им, к русским условиям, за исключением некоторых наставлений, которые как раз и указывают, что он рассчитывал передать в своей книге исключительно только заграничную мудрость. Так, на странице 182 он пишет: «По нашему в России дыни, арбузы, тыквы и огурцы лучше других европейских мест растут, того ради здесь о них много описывать не надобно».

Флоринова экономия, очевидно, имела своих читателей,

если не в момент своего появления в свет, то в конце Елизаветинского и начале Екатерининского царствования, когда общий уровень русской культуры уже мог ей гарантировать извештный круг распространения. Она была издана в 1738, 1760, 1775 и 1786 г. 4-мя повторными изданиями, которые, надо думать, усиленно читались.

1. Первое руководство для ведения крепостного хозяйства.

Успех «Флориновой экономии», естественно, вызвал целый ряд подражаний, из которых наибольшее значение имело уже вполне русское сочинение «Главного Провиантского Канцелярии Прокурора и Вольно-Экономического общества члена Сергея Друковцова», которое под названием «Экономическое наставление дворянам, крестьянам, поварам и поварихам» вышло в 1772 г. и выдержало пять изданий в течение 16-ти лет. Эта небольшая книжица в 180 с не-большим страниц содержит в себе полную систему знаний, главным образом, домоводственного характера, которые были нужны руководителям крупного крепостного поместья XVIII века, ведущегося в натуральных формах на бесплатном крестьянском труде.

Для каждого экономиста, желающего во всей конкретности понять, что такое представлял из себя аппарат крепостного хозяйства, ведущегося совершенно вне всяких соображений с ценами и велениями рынка, необходимо с особой внимательностью изучить эту книгу Друковцова, написанную с потрясающим лаконизмом и ясностью. Вся экономика этой натурально построенной латифундии сводится к тому, чтобы установить предельные и наиболее выгодные меры эксплуатации крепостного труда. Так, например, на странице 54 мы читаем:

«Каждое тягло муж с женой должны на помещика сработать в каждом поле по десятине, сена сжать 120 пудов, а достольной земли отдать все им надлежит, если затем останется, в случае же недостатка земли помещику делить землю с крестьянами по половине; при этом смотреть чтобы не менее крестьянам досталось земли мужу с женой

десятина, в поле, а в двух потому же, а если того не достанет крестьянам, то такая деревня должна быть на оброке необходимо», а для оброка, как гласит 56 страница, крестьяне должны с трехдесятинного тягла доставить:

С каждого тягла, т.-е. с мужа с женою, получать должно

1) По первому зимнему пути:

Сена лугоаого зеленого.....	50 пудов.
Ржи мз муки чистой . . . . ,	2 четверти.
Овса или ячменя . . . . ,	4 четверти.
Круп, конопель, картофеля по	1 четверику.
Масла постного, соленого, коровья .	20 фунтов.
Масла конопляного.....	1 штоф.
Сукна серого	2 аршина.
Холста льняного.....	5 аршин.
Холста посконного.....	5 аршин.
Свиного мяса.....	V ₂ пуда
Уток живых.....	1 пару

2) По последнему зимнему пути:

Индееких кур живых.....	1 пару
Русских кур.....	3 пары
Яиа.....	20 иар
Творогу.....	Ю фунтов.
Сметаны.....	5 фунтов.

3) Весною полсажени дров водого, где можно.

4) Июля к первому числу:

Кладеного барана.....	1-го
Яиц.....	30
Гусей.....	1 пару
Цыплят русских.....	5

И ежели довольно земли, лугов и лесов так, чтоб не менее было на каждое тягло в поле трех десятин мужу с женою, то за все вышеписанное в состоянии заплатить будет каждое тягло без тягости в год помещику десять рублей; а где земли менее, то сему расчислению с тягла брать оброк. И кроме того денег».

На дальнейших страницах рассматривается весь оборот крепостного хозяйства, начиная от натурального способа получения каждого продукта, до возможного способа его изготовления, хранения и потребления, и заканчивается своеобразной формой натурального счетоводства. Весьма характерный для помещичьей психологии следующее, помещенное

на стр. 49, нравоучение «жизни доброго крестьянина и рукодельника», которое следующим образом показывает бюджет времени «доброго крестьянина»:

«Каждый день необходимо всякий добрый крестьянин должен по утру встать зимой и летом в 4-м часу пополудни, обуться, одеться, умываться, голову вычесать, отдать Богу долг — принести молитву; потом осмотреть свою скотину и птиц накормить, хлеба раздать, коров выводить; после того делать разные по времени надлежащие работы до десятого часу, а потом обедать, а в двенадцатом часу поить всякую скотину и птиц и доить коров, а сделав то, дать роздых летом до четвертого часу пополудни. Потом надлежит умыться и ужинать, а в пятом начать производить с поспешанием работу до десятого часу пополудни, гусей должен убирать с поля, скот и птиц, коров выдоить, а сделав оное, отблагодаря Бога спокойно может спать».

Таким образом, если вычесть двухчасовой отдых днем, то крестьянину полагается по Друковцову пять часов спать ночью, а остальное время с возможным напряжением производить различную работу. Да, в сущности говоря, с меньшим напряжением было весома трудно выполнить возложенное на крестьянина.

Таковы были печатные работы. В практической же жизни нажим несомненно переходил за этот «разумный размер» и с полным основанием мог подготовить тот социальный взрыв, который в виде Пугачевщины пронесся по восточной части России через два года после выхода первого издания книги Друковцова.

2. Основоположник русской агрономии—А. Т. Болотов.

Одновременно с работами Друковцова появляется сразу целый ряд самых разнообразных практических руководств, также русского происхождения. Так например, известный «Птичий двор», изданный в 1774 году, с витиеватым посвящением домоправительнице и изложением всех на опыте по С.-Петербургу проверенных (вероятных и невероятных на наш взгляд) способах содержания кур, петухов индееких гусей, уток и голубей, с подробным описанием птичьего двора и

всяческими советами птицеводства. Нам известны работы этого времени по лесному хозяйству, земледелию и не мало интересного можно найти также в трудах Вольно-Экономического общества.

Однако, самым замечательным событием эпохи 1770 годов является то, что в это же время впервые дебютирует и первый основоположник нашей научной агрономии Андрей Тимофеевич Болотов, на долю которого выпало первое внесение в русское сельское хозяйство не только западно-европейской рецептуры, но и западно-европейских методов изучения и ведения хозяйства.

Андрей Тимофеевич родился 7-го октября 1738 года в селе Дворянинове, Тульской губернии, Алексинского уезда, и первые годы жизни провел в Курляндии и Лифляндии, где его отец командовал полком. Его юность протекла в С.-Петербурге, где он получил отличное по тому времени воспитание и свободно владел иностранными языками.

Начало его агрономическим познаниям было положено, как и многое другое в развитии русской культуры, эпохой семилетней войны, когда русская дворянская молодежь вместе с русскими войсками проникла в Западную Европу и в течение ряда лет сделалась гражданами тогдашнего европейского общества. Болотов, как хорошо знавший немецкий язык, прожил четыре года при генеральной квартире армии в Кенигсберге, где имел возможность хорошо изучить окрестные помещичьи предприятия.

Как известно, семилетняя война для Германии явилась эпохой перелома всего сельского хозяйства. Если до нее основанием сельского хозяйства являлось мелкое крестьянское хозяйство и хозяйство мелких арендаторов, то после войны, которая разбила мелких сельских хозяев и физически уничтожила большие кадры сельско-хозяйственных рабочих, помещики, получившие большое количество свободных земель, перешли к английской выгонной системе полеводства, не требовавшей большого количества рабочих рук и по тогдашней рыночной конъюнктуре, превышавшей при экономической ее эксплуатации в своей доходности доходы, которые платил помещику мелкий арендатор. Это была эпоха пролетаризации крестьянства и возрождения крупных капиталистических типов сельско-хозяйственных предприятий, получивших название Мекленбургской системы хозяйства, построенной на началах

разделения полей и введения начал правильных севооборотов. Само собой понятно, что эта аграрная перемена и агрикультурное переустройство сопровождалась целым рядом литературных агрономических статей, которые трактовали эту систему в журналах того времени. Болотов как раз и попал в самый разгар дискуссий, которые вели в то время крупные немецкие сельские хозяева по этому вопросу. Вполне естественно, что молодой русский помещик был увлечен этими новыми широкими перспективами, которые открывались перед ним, и с жадностью набрасывался на всякие книги, трактовавшие вопросы о Мекленбургской системе хозяйства. Вначале все это казалось ему совершенно неприменимым к русским условиям, но в конце концов, после долгих размышлений, он пришел к выводу, что несмотря на чрезвычайные трудности, многое из виденного и слышанного им может вполне быть проведено и на российских полях, если при этом соблюдать достаточную осторожность:

„Мне случалось, — пишет он, — не один раз думать и всякий раз находил, что сие скорее и легче сказать, нежели в действие произвести можно; и что всего легче можно от неосторожности при сем случае наделать себе неведомо сколько напрасного убытка и навредить на себя множество излишних хлопот". В результате всех этих размышлений в 1771 году в трудах Вольно-Экономического Общества появляется его обширный трактат о „Разделении полей", являющийся, в сущности говоря, первой оригинальной научной работой в области организации хозяйства у нас в России. Автор приказывает бросить трехполье, перейти к иному разделению полей, предлагает для каждого района разработать сообразное климату и свойствам местоположения земли, разделение полей, а пока для центральной полосы России предлагает семипольный Мекленбургский севооборот с удобренным паром, озимыми, 3-мя яровыми и 2-мя годами выгона.

В 1774 г. Болотов был приглашен в одно из имений Серпуховского уезда, под Москвой, завести на практике на 140 казенных десятинах запашки Киясовской волости пропандируемый им семипольный севооборот. Но, однако, проработав около 2-х лет, произведя организацию территории хозяйства и заложив севооборот, он получил другое служебное назначение и не мог привести к окончанию начатого опыта. В дальнейшем ему уже не удавалось быть практическим

сельским хозяином и с тем большей энергией он сделался сельскохозяйственным публицистом. В 1778—79 году он редактирует, издававшийся в Москве Редигером, журнал „Сельский Житель“, который пропагандирует, помимо выгонной системы, полевое травосеяние и сводит весь опыт западно-европейских сельских хозяйств. а с 1780 г. по 1789 г. он сотрудничает с знаменитым Ник. Новиковым, выпускает последовательно 40 томов „Экономического магазина“, и воистину делается центром собрания русской сельско-хозяйственной мысли, о чем можно судить по огромному количеству печатаемых в его журнале писем читателей, адресующихся к Болотову за всякими мелочами своего хозяйственного строительства.

Конечно, теперь тракты и работы Болотова кажутся исключительно наивными, но историческое значение их колоссально, а один из его трудов «Собрание и описание разных пород яблоков и груш, родящихся в дворянских, отчасти и в других садах» следует признать и по сие время не потерявшим своего значения, что подчеркивается особенно также и тем, что в 1871 году он был выпущен вторым изданием. Болотов представляет собой первый период развития нашей научной агрономии. В лице его журнала и его работ, наши крупные помещичьи хозяйства, в основе своей в те времена построенные всецело по изложенным нами правилам Друковцова, пытались, не меняя своих основ натурального крепостного хозяйства, использовать рациональные основы европейского земледелия. Проповедь Болотова нашла энергичных продолжателей.

3. Агрономы XVIII века. Последователи Шубарта фон Клеефельда, Бланкеннагель и идеологи оброка.

В конце XVIII века русское общество познакомил с английскими приемами сельского хозяйства протоиерей Андрей Самборский, бывший священником при русской миссии в Лондоне, и который в свободное время занимался изучением сельского хозяйства, в результате чего им было опубликовано: «Описание практического английского земледелия». М. 1781.

Вообще, духовное сословие и в частности Киевское духовное училище дало нам в восемнадцатом веке не мало

учителей агрономии. Помимо Самборского, Десницкого¹ и Ливанова² к питомцам этого училища принадлежал как-будто бы и Иван Комов, «коллежский ассессор, Московского директора экономии пюомщик, земледелия и других наук профессор, Вольно-Экономического и Батского для ободрения земледелия, рукоделия и торговли утвержденного, общества член», который выпустил едва ли не первое специальное у нас в России руководство «о земледелии», в котором излагались основы ботаники, общего и частного земледелия и где с большей грамотностью пропагандировались основы травопольных клеверных севооборотов.

Все эти авторы частью описывали английское земледелие, а в большей своей массе представляли собой отражение учения Иогана Христиана Шубарта фон-Клеефельда.

Расцвет этой полосы иностранного влияния на русских сельских хозяев мы неизбежно должны будем связать с наиболее знаменитой книгой конца XVIII века, писанной «Московской придворной экспедиции членом «Андреем Разнотовским в двух томах под названием «Новое земледелие, основанное на правилах тайного советника Иогана Христиана Шубарта фон-Клеефельда», и выпущенной в Москве в 1794г.

Перед нами уже не отдельный трактат об общем и частном земледелии в стиле Ивана Комова, а с большим темпераментом и знанием литературы написанное полное руководство о всех сторонах организации сельского хозяйства. Излагая целыми страницами знаменитую Шубартову книгу, явившуюся основой сельского хозяйства, Разнотовский сопровождает ее своими наблюдениями по поводу применения Шубартовых начал—то в хозяйстве Бланкеннагеля, крестьяне которого в 1792 г. начали сеять дятловину (клевер), то в хозяйстве надворного советника Лавра Дмитриевича Борисова, который „сеет пырей в Москве в начале августа, в тихую погоду“, то других местных хозяев (А. М. Ярославова в Звенигороде, В. А. Всеволодского, М. А. Угимова, и других любителей заграничного сельского хозяйства).

Необходимо, впрочем, признать, что как трактаты Болотова в этих области Мекленбургского хозяйства, так и более тонкие

¹ С. Десницкий „Наставник земледельческий или краткое английского хлебопашества показание“. перевод с англ. М. 1780.

² М. Ливанов «О земледелии, скотоводстве и птицеводстве» Николаев. 1799 г.

построения Комова и Рознатовского в других областях, в сущности говоря, были скорее литературными явлениями, чем отражением какой либо крупной формы русского хозяйства. Конечно, Бланкеннагель, о котором речь будет ниже, Растопчин, Всеволодский, Поляков могли побаловаться в своих крупных поместьях и дятловиной и Макленбургскими пастбищами и даже посевами сахарной свеклы, но массовый помещик, иногда почитывая для удовольствия все перечисленные выше книги о заморских новинках, в практической жизни придерживался методов Друковцова и вполне справедливо полагал, что ему незачем стараться напрягать свой ум и энергию, когда российский крепостной мужик все равно ему без всякого риска выплатит причитающийся оброк.

Даже Екатерина II в письме своем к Гриму в 1796 г, аписала: „Если-бы вы знали, как я ненавижу всех этих агрономов и сельских хозяев, которые и сохи то никогда в руки не *брали*, вы бы не *стали* толковать со мною ни о господине Иенише, ни о милорде Финдлеторе; а крестьяне русские их ненавидят еще больше моего и они правы. Что годится для клочка земли не больше моей комнаты, не годится для необозримых наших полей. У нас крестьяне привыкли с небольшим трудом добывать все необходимое для жизни и они уже доставляют другим государствам рогатый скот и лошадей. Видели мы лондонских хозяев хлебопашцев, но подражать им не станем: у нас другой климат, другие условия жизни. Знаете ли, что было бы со мнимым хозяином Иенишем, если бы ему отдать управление в одном из казенных имений? Крестьяне отправили-бы его на тот свет и с агрономией, которая ни на что не годна; вот и все". Эта официальная точка зрения крепко выдерживалась во все царствование Екатерины, которая ни на йоту не верила крупному помещицкому хозяйству и тщательно запрещала управляющим казенными имениями вести барщинную запашку, категорически приказывая им ставить крестьян на оброк. Мы знаем, что только в порядке исключения Болотову было разрешено похозяйствовать на 140 десятинах, да и то через два года его сняли с этой работы и больше уже подобного разрешения не давали. Было очевидно, что для проведения европейских методов сельского хозяйства у нас не назрела необходимая народно-хозяйственная обстановка. В данном случае агрономическая литература явно опережала

собой жизнь и ее историческое значение сводилось главным образом к подготовке литературной почвы для последующих поколений.

Конец XVIII века и самое начало века XIX ознаменовались в развитии русской сельскохозяйственной мысли некоторым сдвигом, направленным в сторону практицизма, при чем этот сдвиг выразился в двух формах, резко отличных друг от друга. Каждая из этих форм имела свое экономическое обоснование в развитии народно-хозяйственной жизни своих идеологов, своих героев и свою литературу. Выражая каждую из них одним термином, мы могли бы их охарактеризовать двумя основными системами крепостного хозяйства: первое течение было отражением барщины, другое было порождено системой оброка.

Из вышеприведенной цитаты письма Екатерины к Гриму мы видели, с каким недоверием к крупному хозяйству, ведомому на основе рациональной агрономии, относились руководящие слои русского общества.

Это недоверие, основанное на многочисленных хозяйственных провалах, основывалось также и на том, что русское дворянство, разъехавшееся после указа Петра III «О вольности дворянской» по своим деревням, в течении Екатерининского царствования вновь стало продвигаться ко двору и в столицы. Сообразно этому ему в высшей степени было неудобно возиться с барщиной, руководить экономическими запашками на подневольном крепостном труде, ругаться с приказчиками и управляющими, которым вряд ли можно было доверять в полной мере и было куда сподручнее получать ренту со своих земель и крестьян в форме оброка.

Уже из книг Друковцова мы видим ясно предпочтение автора оброку. Однако, строя свое благополучие на получение оброчных доходов, «просвещенные» Екатерининские вельможи или просто дворяне, естественно, понимали, что высота благополучия самих оброчных крестьян, что разоренные деревни, ведущиеся стародавними способами, вряд ли могут давать сколько нибудь значительный оброк и поэтому стремились как можно повысить производительность труда своих крестьян и обеспечить этим достаточное капиталовложение. В книге Друковцова это выражается

целым рядом принудительных мер. Друковцов кладет, как норму, что каждое тягло в составе мужа и жены должно иметь не менее трех десятин пахотной земли, не менее двух лошадей, не менее пяти коров и угрожает скорпионами тем крестьянским хозяйствам, которые не производят требуемого для этого ежедневного капиталовоспроизводства.

С еще большей тщательностью Друковцов следит за составом и учетом крестьянских доходов, предлагая оброчным крестьянам продавать только сказав своей деревне и определенными купцами, а «кто продаст без ведома или ленив будет, подлежит тех сажать в тюрьму и не давать хлеба двое или трое суток».

Это была так сказать простецкая дедовская методика. Помещики же, искушенные иноземной агрономией, стремились пустить в ход более тонкие методы в форме принудительных севооборотов и распространения клевера и картофеля в принадлежащих им оброчных деревнях. Всем известны картофельные бунты, жестоко подавляемые картечными залпами Екатерининских карательных отрядов, зато гораздо менее известны те агитационные мероприятия, которые более культурные слои дворянства употребляли для просвещения своих поселян.

Наиболее крупным из них является четырехтомная популярная энциклопедия, выпущенная Сивергиным под заглавием «Деревенское зеркало» или «Общепонятная книга» с эпиграфом: «Сочинена не только, чтобы ее читать, но и чтобы по ней и исполнять» и повествующая псевдо - народным сугубо популяризирующим языком о том, как «Правдин учит крестьян хлебопашеству», о том, как «однодворец Досужев разжился из ничего», всячески рекомендует стойловое содержание скота, посевы дятловины (клевера), картофеля, улучшенный инвентарь, а за одно и о том, как „Волдайска молодка подкует Вячеслава Честоновича деревенским кофе и чаем“, а также и о том, „что выходит из того, когда деревенская девка познакомится с баричем“ Книга украшена многочисленными и не менее занятыми гравюрами, на которых, между прочим, нарисованы агрономы XVIII века, проводящие лекции-беседы на крестьянских сходах, а также многочисленный сельско-хозяйственный инвентарь и т. п.

Каждая часть начинается стихотворением, часто весьма

затейливым и любопытным. Так например, глава, о картофеле начинается следующими четырьмя строками:

Картофели здоровы, вкусны,
И в пищу никому не гнусны,
Всех лучше белый годен для людей, А
красноватый коровам, для свиней.

На странице 142 1-го тома рекомендуется следующий севооборот: пар унавоженный — пшеница озимая — ячмень с дятловиной — дятловина (клевер)—рожь — овес—пар.

Просматривая страницы этой книги, трудно понять на какого читателя она рассчитана, так как вряд ли крестьяне XVIII века могли читать ее довольно сложные рассуждения. По всем вероятностям сам Севергин все-таки трактовал ее, как пособие для крестьян или по крайней мере, как инструкцию для бесед помещика и местных управляющих с крестьянами.

Еще более характерной является книга Захарова под названием «Усадьбы, или как селить крестьян и собирать с них помещичий доход», где дается наставление к хуторскому расселению крестьян, предвосхищающие более чем за сто лет всю аргументацию хуторомании эпохи Столыпина, и дающее целый организационный план вместе с примерным бюджетом, согласно которому расселенные на хутора крестьяне, ведущие свое хозяйство на основе клеверных севооборотов, должны, как дважды два четыре, уплачивать удвоенный оброк своим просвещенным и дальновидным владельцам. Наставления Севергина и проекты Захарова несомненно не раз были обращаемы в жизнь.

Рознатовский, как мы уже указывали, ссылался на 5—6 хозяйств Московской, Могилевской и других губерний, в которых на крестьянских хозяйствах было заведено травосеяние.

Из переписки графа Орлова и книги К. М. Бакулина «Правило руководства к новому разделу и обработки полей» мы узнаем о целом ряде и других попыток в этой же области и кроме того, известно, что в Ярославских деревнях Самарина классический клеверный севооборот на четырех полях с восьмилетним чередованием был заведен еще в восемнадцатом веке и удержался более чем сто лет. Однако, насколько можно понять из этой вспышки общественно-агрономической энергии, направленной к переустройству оброчных крестьянских хозяйств, в общем ничего особенного

большого не получилось и вообще увлечение Шубартом Фон-Клеефельдом вскоре начинает идти на убыль. Однако, перед тем, как расстаться с этим периодом нашей агрономической мысли необходимо остановиться на деятельности Егора Ивановича Бланкеннагеля, бывшего, в сущности говоря, самым большим у нас адептом славного Шубарта.

Бланкеннагель, вообще говоря, принадлежал к одним из культурнейших москвичей своего времени. Из «Московских Ведомостей» нам известны его опыты с практическим месмеризмом, а также его работы по устройству различных инженерных сооружений. Он родился в 1770 году — 8 лет служил на военной службе в Елизаветграде и 18 лет состоял в Москве, вначале при Водном Канале, а потом «при Конторе артиллерийской и фортификационной должности», вплоть до 1796 г., когда он был уволен в отставку. В Москве он женился на дочери И. И. Голикова, автора известной книги «О деяниях Петра Великого». Его падчерица впоследствии была замужем за В. Н. Каразиным, основателем Харьковского Университета. Оба эти обстоятельства показывают на те прочные связи с передовыми слоями московского общества, которые связывали Егора Ивановича с центрами русской культуры XVIII века. В 1797 г., выйдя в отставку и поселившись в своих Звенигородских деревнях, Бланкеннагель предался сельскому-хозяйству, завел и у себя и у своих крестьян посеы клевера, расселил последних по хуторам, и в сущности говоря, его то именно опыт и послужил той реальной базой, на которой было построено и «Новое земледелие» Рознатовского и трактат Захарова о собирании доходов с крестьян.

Впоследствии на долю Бланкеннагеля выпала честь быть первым основателем русского свеклосахарного дела еще задолго до построения во Франции Домбальских свеклосахарных заводов.

Прочитав случайно в одной из голландских газет заметку о том, что некто Ашар добыл из свекловицы прекрасный сахар, он очень сильно заинтересовался этим, так как еще в 1792 г. он высевал в своем Московском городском саду белую свеклу, как растение, пригодное для занятого пара. Прочтя в 1794 г. заметку об опытах Ашара, Бланкеннагель без всяких инструкций и указаний с чьей-либо стороны в течение 6-ти лет работает над этим вопросом и вырабатывает свой собственный способ добычи сахара из свеклы. В 1801 г. Бланкеннагель приступил к

устройству специального сахарного завода в своем сельце Алябееве, Тульской губ., Чернского уезда, и через два года уже мог послать в Москву для рафинирования 160 пудов первоклассного сахарного песка. В высшей степени интересно отметить, что эта свекловица бралась не только в экономическом посеве, а даже крестьянами плантаторами, разводившими ее па своих конопляниках, при чем два года подряд сеялась конопля и овес, а на третий год свекла без всякого удобрения. Рабочие на заводе были вольнонаемные. От этого свекло-сахарного предприятия Бланкеннагеля у нас в литературе осталась книга под заглавием «Описание свеклосахарного завода», основанного Бланкеннагелем в Тульской губернии в сельце Алябееве, и способов добавления из свекловиц сахара-сырцу и очищение оного», сочинение Рейса. СПб. 1808 г.

Таково было, если можно так выразиться, оброчное направление агрономической мысли и практики XVIII в.

4. «Английское земледелие» на барщинном труде. Самборский и Полторацкий.

Совершенно в другом направлении развивалась агрономическая мысль в области направления барщинного хозяйства. Если пионеры русской агрономии в лице Болотова увлекались Мекленбургской или Копельской весьма экстенсивной выгонной системой агрономии, строители оброчных крестьян клали в основу крестьянского хозяйства систему Шубарта, то целый ряд крупных наших помещиков и вельмож и ряд агрономических писателей придерживались идеи крупного интенсивного хозяйства и стремились завести, так называемое тогда, «английское» хозяйство. Румянцев в своем подмосковном «Когуле», Полторацкий в «Овчурине», Ростопчин в «Воронове» и ряд их подражателей пытались создать на московских широтах точную копию, английских латифундий, выписывали из Англии первоклассных агрономов, вроде управляющего имением Когул, англичанина Роджерса, переписывались с известнейшими английскими учеными — Артуром Юнгом, Куком, Синклером и другими и «рассудку вопреки, наперекор стихиям» хотели на берегах Москвы-реки возродить агрономический пейзаж берегов Темзы и туманной Шотландии.

Это «англинское» хозяйство представляло собой в высшей

степени интенсивную систему хозяйства с большим применением посевов картофеля, моркови и отчасти клевера, с крайне интенсивными, иногда привозными минеральными удобрениями, с коренным улучшением почвы (Мергель, дренаж и пр.) и, что особенно характерно, с применением английского инвентаря и особых «севоральников», как тогда называлось, т.-е. конных мотыг и рядовых сеялок. Плуги, рядовые сеялки, конные молотилки и англичанин управляющий — вот, в сущности говоря, те внешние признаки, которые, главным образом, выделили «эту английскую систему». Ее героями были вышеупомянутый Роджерс, которому, кстати сказать, Москва обязана традициями крестьянского пригородного огородничества, и, главным образом, Дмитрий Маркович Полторацкий, с 1792 года предавший исклучительно сельскому хозяйству. Идеологом ее прежде всего был известный уже нам отец Самборский, священник Русской Миссии в Лондоне, да и другие наши агрономы, литераторы и профессора в лице Десницкого, Комова, Левинова и Бакулина отдавали ей свои теоретические премуущества..

«Англинское» земледелие не было, конечно, специфическим русским явлением, а прошло целой полосой по тогдашней сельскохозяйственной Европе. Известно, что Фридрих Великий выписал сразу 400 фермеров для прусских королевских доменов; ему вторили крупные немецкие помещики и даже сам Франклин выписал для Америки 10 образцовых фермеров, которые по словам знатока аграрной истории Америки Вернера: «Оказались там никуда не годными».

Неудивительно, что и у нас английские фермеры стали столь же нужными многим русским дворянам, как «французский эмигрант, итальянское в домах окно и скаковая лошадь в запряжке».

Центром англофилов явился протоиерей Самборский, перешедший в 1783 году из Лондона в Павловск и назначенный в 1797 году «Членом экспедиции государственного хозяйства опекунства иностранного и сельского домоводства». В этой экспедиции, членом которой состояли Куракин, Храповицкий, академик Таблиц и другие, было признано необходимым устроить практическую школу земледелия и ряд практических колоний, которые должны быть заселены иностранными поселенцами, ведущими образцовые и показательные хозяйства. В 1798 году было составлено

прекрасно изданное, с раскрашенными гравюрами «Положение о практической школе земледелия и сельского хозяйства» и открыта и сама школа при деревне Тярлевой, близ Павловска, в котором жил Самборский. По своему уставу школа должна была «доказать на самом опыте пользу разделения пашен на семиполье и возможность такого же заведения в некоторых местах России и каким образом другим посевным оборотом можно избежать по всему в России еще обычного, но весьма вредного оставления под пар третьей части земли».

Практической же цитаделью школы были подмосковные Румянцева и Растопчина.

Роджерс, хозяйствовавший в Румянцевском Когуле, окопал все поля высокими рвами, обсадил их ветлами, пустил в дело культиваторы, севоральники, и ведя без всякого севооборота вольное хозяйство, потрясал всех посетителей Румянцевского Когула техническими рекордами, как в области механизации земледелия, так равно в развитии урожаев и скотоводства, а также и шнуровками приходо-расходных книг, показывавших непомерно высокий доход от поместья. В этом же стиле было и Овчуринское хозяйство Полторацкого, который должен быть признан одним из первых прогрессивных практиков нашего хозяйства и о котором, к сожалению, осталось только одно его письмо, адресованное к Рознатовскому и опубликованное в 5 томе «Нового Земледелия» (Рознатовского), а также описание его хозяйства Ник. Мининим в «Земледельческом Журнале» уже за 1829 г. Пример Румянцевского Когула заразил многих, и для того, чтобы понять всю психологию вельможи XVIII века, развлекающегося английским земледелием в своих латифундиях, необходимо почитать переписку графа Растопчина с князем Цициановым, опубликованную П. Бортеньевым в его сборнике «Девятнадцатый век», в которой этот фаворит Павла, удалившись от политической жизни, с какой-то детской радостью возит вместе со своими шотландцами мергеля и черные земли на свои пески, смотрит за работой «Куковой машины», хвалит английское машиностроение, и в пылу агрономического восторга, воздвигает в 1804 году в своем саду обелиск самому Артуру Юнгу с надписью «Ученик своему учителю».

Весь этот период «английской» практики был сопровождаем целым рядом агрономических изданий, большей частью компилятивных, а отчасти и оригинальных. Трудолюбивый переводчик и писатель, работавший в Москве во всех сторонах литературы, — В. Левшин, забрасывал книжный рынок многотомными своими переводными сочинениями: 12-ти-томным «Всеобщим и полным домоводством», 6-ти-томным «Управителем», 8-ми-томной «Ручной книгой сельского хозяйства для всех состояний» и, наконец, «Полной хозяйственной книгой о строящих свое внутреннее домоводство» в десяти частях. С ним конкурировало не малое количество и других компиляторов со своими 12-ти-томными и 6-ти-томными опусами. Целый ряд питомцев Киевской духовной академии, превратившихся в профессоров, агрономов и агрономических специалистов, как, например, уже известные нам, Десницкий, Комов, Самборский и пр. давали нам действительно ценные сочинения и переводы, а все это увенчалось учреждением при Московском Университете кафедры «Минералогии и сельского домоводства», на которую был приглашен, также питомец Киевской духовной академии, Антон Антонович Прокопович-Антоновский, который читал сельское домоводство по своим запискам и который увенчивал с высоты своей кафедры все увлечения русской агрономии александровского времени.

Однако, вскоре оказалось, что все технические рекорды и блистательное английское хозяйство, на искусственно созданных мелиорацией землях, давая высокие урожаи, было весьма разорительным заведением. Только агрономический гений Роджерса, память о деле которого до сих пор жива, в повышенном уровне крестьянских хозяйств в деревнях, окружающих бывший Когул, могли оправдывать его и сводить концы с концами. Предприятие же Растопчина в Воронове, находящееся в 50-ти верстах от Москвы, при полуторатысячах десятин, при двухстах ревизских душ, давая при трехполье от полеводства 3.250 руб. и от оброка 2.880, т.-е. в сумме 6.130 руб., почти без всяких денежных затрат и инвестированного капитала, при английской системе повышало свою доходность до 6.820 руб., т. е. только на 700 руб., но зато требовало на первоначальное обзаведение 23.125 руб. и годовых расходов 4.187 руб., сообразно чему Растопчин в своем памфлете «Плуг и соха» заканчивает экономический анализ своих агрономических

увлечений следующими словами:

«Окончу бия челом у русского англичанина, у любителя перемен и проповедника плуга и дрели, дабы позволили мне всякую отдаленную от большого города английскую ферму поместить в число забав, свойственных богатству и роскоши, потому, что от нее не больше пользы, чем от роговой музыки, «английского» саду, скаковых лошадей, колоннад с фронтонами и крепостного театра».

5. Экстенсивная зерновая барщина и проповедь Д. Шелехова.

После Наполеоновских войн, Россия во всех сторонах своей жизни начинает перестраиваться в какие то новые, ранее небывавшие формы. Изменяется самый уклад жизни, весь быт, и, главным образом, конечно, водоизменяется основная экономическая база и производственные отношения в области всего нашего народного хозяйства. Народное хозяйство начинает с большой быстротой выходить из своих старых натуральных форм и принимать все более и более товарный и предпринимательный облик. Начинают развиваться посессионные заводы и фабрики, разворачивается экспорт хлебов, льна и других с.-х. продуктов за границу. Товарное производство постепенно проникает и захватывает все большие и большие отрасли сельского хозяйства.

Еще не так давно общественное мнение Екатерининской эпохи явно отрицало выгодность собственного с.-х. предприятия помещиков и стремилось построить свои доходы на более или менее повышенном оброке, получаемом с самостоятельных крестьянских хозяйств.

Россия XVIII века, в большинстве случаев, крестьянская страна, уплачивающая в форме оброка особые частные феодольные налоги «российским лендлордам», развитие рынков и выгодность товарной продукции быстро кладут конец этому положению вещей. Чистая прибыль крупного, барщинного, построенного на рабском труде, хозяйства начинает превышать собой платимые уже малоземельными к этому времени крестьянскими хозяйствами оброки, — рента раба в товарном производстве оказывается выше ренты оброчного крепостного.

Целый ряд авторов того времени, пишущих в трудах Вольно-Экономического Общества, в записках Лебединского Общества Сельского Хозяйства и в отдельных изданиях — Н. П. Шишков, А. Жуков, П. Поздунин, И. Погодин, Е. П. Мочалкин — единогласно свидетельствуют об этом факте. Точно такие же ответы даются различными хозяевами в ответ на особые „задачи“, которые в 1809 г. и позднее задавались Вольно-Экономическому Обществу «о наилучших способах владеть деревней», а в 1856 г. Лебединскому Обществу прямо «о средней выгодности барщинного и оброчного хозяйства».

«Доходы барщинного хозяйства,—писал в Лебединском издании Мочалкин, — всегда гораздо выше дохода оброчного. У меня 57 рабочих тягол, и я получаю 3.000 рублей серебра одними деньгами, кроме продовольствия и содержания себя, лошадей, прислуги и многочисленной дворни, что составит более 80 рублей серебром на тягло. Такого огромного оброка никакое тягло не в состоянии выплатить. У меня одно имение было на оброке, другое на барщине; оброчные мне выплачивали по 40 рублей ассигнациями на тягло, находя всегда к невозможности уплаты какие либо оговорки, которые у них всегда имеются в запасе. Этого мало. Пришла весна, просят хлеба и семян: отсрочил оброк для хлеба и семян. На другой год повторилось то же. Но я уже не сделал снисхождения. Снял с оброка, посадил на пашню, получил против оброка вдвое более дохода, а крестьяне не приходили ко мне уже за хлебом и семенами, ибо за присмотром хлеба для их продовольствия и овса на обсеменение у них было достаточно».

Эта крупнейшая реформа всей деревенской действительности порождала, с одной стороны, подъем крепостного хозяйства, а с другой — вызвала резкую социальную борьбу, выражавшуюся в многочисленных крестьянских бунтах, часто оканчивающихся целыми сражениями правительственных войск с крестьянами с применением артиллерии, иногда даже с обеих сторон, как это имело место во время бунта в крепостном имении матери писателя Грибоедова.

Крепостное хозяйство своим развитием и высокими доходами подтачивало социально-политическую базу крепостного права.

Само собой понятно, что этот экономический перелом не мог не отразиться на той идеологии, которая была свойственна этой эпохе. В сущности говоря, мы имеем два направления в

развитии агрономической мысли 20 — 30 — 40-х и 50-х годов: — рационализирующее и бытовое.

С одной стороны целый ряд «прогрессивных хозяев» стремится, исходя из традиций Московского Общества Сельского Хозяйства, развернуть эти новые крупные барщинные хозяйства на основах более совершенной техники и организации чуть ли не плодопеременного европейского земледелия. Лидером этого направления является один из блестящих русских авторов того времени, книги которого и по сие время представляют значительный интерес — Д. Шелехов, помещик Тверской губ., весьма незаурядный организатор хозяйства, острый полемист и писатель.

Он выпускает в 1826 г. в Москве свою первую большую книгу «Главные основы земледелия», где, продолжая основы пропаганды Полторацкого, пропагандирует плодоперемени и улучшенный инвентарь, аргументируя за них всеми доводами, начиная от высокой философии и кончая ссылками на собственный пример. Несколько позднее, — в 1837 г. он помещает в сельско-хозяйственных журналах целый ряд статей по вопросам старого и нового земледелия в России и сопоставления его с английским хозяйством, которые были выпущены в следующем году отдельной книгой под названием «Народное руководство в сельском хозяйстве». Очень характерно, что книжка эта, рисуя наиболее интенсивное снабженное хорошим инвентарем и весьма гармонично организованное по своему проекту хозяйство, — заканчивается очерком о вольнонаемном труде, выгоды и преимущества которого Шелехов выдвигает за четверть века до эпохи освобождения крестьян. Ему же принадлежит трактат, напечатанный в журнале «Промышленность и сельское хозяйство» о «Черезполосном владении землями и о выгодах рациональной организации территории» и ряд других статей и брошюр, в которых этот русский европеец с большим упорством стремится провести основные идеи западного товарного сельского хозяйства в условиях нашей русской действительности. Несомненно, что целый ряд прогрессивных хозяйств его эпохи пытались и практически следовать этому идеалу и по всем вероятностям это движение в большей даже степени захватило прогрессивные слои крепостного хозяйства, чем идеи Бланкеннагеля и Полторацкого в предыдущую эпоху.

Однако, в своей основе все же барщинное крепостное хозяйство продолжало «не мудрствовать лукаво» и обрабатывать Тульские, Саратовские, Симбирские и Воронежские черноземы под экстенсивное зерновое производство зерновых культур и используя в этих целях рабский труд своих крепостных и не обращая внимания на весьма малую производительность этого дарового труда. Само собой понятно, что эти «не мудрствовавшие лукаво» помещики в агрономических библиотеках не нуждались, а потому и не имели какой либо литературы по поводу своих хозяйств. Их теория и идеология отчасти получила свое отражение в нескольких печатных наставлениях приказчику и других «практических» руководствах.

За этими практиками несомненно оставалась большая часть полей пахотных, что же касается полей книжных, то несомненно они были в полном обладании более культурной группы сотоварищей Д. Шелехова.

6. Московское общество сельского хозяйства. С. Маслов и М. Павлов.

Цитаделью прогрессивных агрономов середины XIX века бесспорно являлось основанное в 1820 году Московское Общество Сельского Хозяйства.

В первое десятилетие его работ на его заседаниях встречались представители старой Екатерининской агрономии в лице Прокоповича-Антоновского, с агрономами, в сущности, совершенно нового, почти современного типа и склада. Из них выделились два имени, два крупных человека, из которых первому, — С. А. Маслову, принадлежит исключительно большая роль в организации сельско-хозяйственной общественной мысли и сельско-хозяйственных общественных дел, а другому, — М. Г. Павлову — педагогическая и ученая работа, положившая начало русской агрономической школе. Оба они были незаурядные личности и оба принадлежали к Тэеровской школе сельского хозяйства, при чем один из них был непосредственным учеником великого Тэера, а другой переводчиком на русский язык его капитальных трудов.

Степан Алексеевич Маслов (1793 — 1879) был человек исключительной энергии и яркости. До нас дошло составленное им самим описание его путешествия в Москву во

время занятия оной французами, рисующее с самой выгодной стороны девятнадцатилетнего автора.

При образовании Московского Общества Сельского Хозяйства он привлекается его учредителями к работе в качестве секретаря Общества и на многие десятилетия становится той пружиной, которая приводила в движение все дела Общества и обеспечивала его успех. Он основывает и ведет до 1850 годов «Земледельческий Журнал», много работает в деле организации овцеводства, шелководства и культуры. Не меньшее значение имело организованное им издание многих книг и, в особенности, лично им самим сделанный перевод знаменитой книги А. Тэера „Рациональное сельское хозяйство“. О том, с каким пиететом московские агрономы относились к книге Тэера, можно судить по истории ее издания. Первоначально ее издатель А. Ширяев поручил перевод В. Левшину, наводнившему, как мы уже знаем, книжный рынок десятками агрономических томов—Однако, когда вышел первый том. его обсудили на собрании Московского Общества, признали никуда негодным и выразили издателю опасения „что вместе с неисправным переводом лучшего творения Тэера передадутся русским хозяевам ложные понятия и о самой науке“. Издатель, ознакомившись с мнением Общества, почел за благо уничтожить два уже ранее выпущенные им тома Левшинского перевода и начало третьего и начать издание заново, поручив перевод С. Маслову, который выпустил его с исключительно ценными примечаниями Муравьева в 1830 году.

Другой из руководителей сельско-хозяйственной жизни и мысли эпохи—М. Г. Павлов, как и многие из деятелей нашего сельского хозяйства, происходил из духовного звания и обучался богословским наукам в Воронежской семинарии. Затем, сменил последовательно медицинское образование на математическое и кончил два факультета с медалями; был командирован в 1818 году за границу для усовершенствования в естественных науках и сельском домоводстве. В течение двух лет он изучает сельское хозяйство у наиболее крупных ученых Европы того времени и особенно близко сходитя и работает с великим Тэером, оставившим во всей его деятельности и жизни в дальнейшем очень глубокий след. В 1820 г. он возвращается в Москву и с

исключительной энергией и энтузиазмом приступает к проповеди своих новых, вывезенных от Тэера, взглядов. Он дебютирует в публичных лекциях о „главных системах сельского хозяйства с приношением к России" и рядом статей и речей, посвященных вопросам сельского хозяйства. В них он, прежде всего, обрушивается на трехпольную систему хозяйства. „Естественно ли это, — восклицает он, — что в России, где находится столько различия в почве и климате, господствует один пар в нивоводстве? Что у нас осталось старого от поваренного искусства, до костюмов, от физического до нравственного воспитания? — Все изменилось; одно сельское хозяйство остается в прежнем виде; в нем только дорожат стариной; такое постоянство дало бы честь, если эта система была всех известных совершеннейшей; но она угрожает подрывом единственному основанию, на коем утверждается сельское хозяйство, ослабляя плодородие земли; плодопеременная система, как надежнейшая к проведению оного, должна трех полевую заменить безусловно".

Заняв в дальнейшем кафедру Московского Университета, сделавшись одним из руководителей Московского Общества Сельского Хозяйства, директором его земледельческой школы и ее учебного хутора (Бутырского), Павлов с высоты кафедры и в своих работах на Бутырских полях предается самой увлекательной, самой талантливой проповеди плодопеременного хозяйства. Его публичные лекции в Московском Университете собирают не только университетскую молодежь, но и многих любителей сельского хозяйства и даже „членов высших обществ", как говорит его биограф. Не останавливаясь на устной пропаганде, — Павлов выпускает „Атеней" и „Русский Земледелец", — два журнала, оставивших заметный след в развитии нашей сельско-хозяйственной мысли, двухтомную „Химию" и два первых тома курса сельского хозяйства. Постепенно Павлов становится тем стержнем, вокруг которого вращается сельско-хозяйственная жизнь страны и собирает вокруг себя студенческую молодежь, которая в будущем понесет его традиции в русской агрономии. При его кафедре было оставлено 14 студентов, которые предполагались в дальнейшем для преподавательской и профессорской деятельности. К сожалению, 3 апреля 1840 года он внезапно скончался, всего 47 лет от роду оставивши после себя, помимо

сельско-хозяйственных трактатов, не мало книг и трудов по химии и даже минералогии-

В его понимании наука сельско-хозяйственного домоводства слагалась из трех частей: в первой излагались начала, во второй описывалось производство и в третьей говорилось об устройстве или организации хозяйства. В общем она представляла собой полный свод всех современных ему знаний о сельском хозяйстве и основывалась по преимуществу на работах Тэера, Артура Юнга и других сельско-хозяйственных европейских авторов. Для нас, однако, значение Павлова лежит не столько в его популяризации этих европейских авторов, сколько в умении в практической работе на Бутырском хуторе и в своих сочинениях применять методы западно-европейской науки к окружающей русской действительности и привлекать к себе умы, увлекаемые в области мыслей о сельском хозяйстве. Последнее обстоятельство заставляет нас убедиться в том, что все нити развития русской сельско-хозяйственной науки и персональная преемственность русских ученых—почти все начинают именно от Павлова.

Однако, как мы уже заметили, процветание крепостного хозяйства, работавшего в центре России на дорогой сравнительно рынок, а на юге на экспорт создавало такую социальнополитическую обстановку, в которой уже нельзя было поддерживать крепостного права и через несколько десятилетий эволюция политической жизни народного хозяйства создала необходимость к переходу на вольнонаемный труд и к освобождению крестьян, при чем наиболее высокая барщинная рента отметила на карте реформы распространение так называемых дарственных четвертых наделов.

Описанная нами плеяда деятелей Московского Общества Сельского Хозяйства стремилась укрепить чисто техническими улучшениями и реформами хозяйственного существования помещичьего землевладения. Однако, история работала против них и несмотря на все усилия, сам улучшаемый ими хозяйственный строй явно изживал себя.

Падение крепостного права было отмечено в анналах Московского Общества Сельского Хозяйства целым рядом бурных собраний и диспутов по вопросам о возможности и способах ведения сельского хозяйства на вольнонаемном труде. Однако, как явствует из рассмотрения дошедших до нас протоколов, обсуждавшие этот вопрос хозяева-помещики

далеко не радужно смотрели на перспективы своего хозяйства.

Как бы то ни было русское помещичье землевладение, лишенное оброчных доходов и вынужденное от крепостных форм хозяйства перейти к вольнонаемному труду, стать хозяйством капиталистически организованным и товарным, стремилось, по возможности, приспособиться к новым условиям жизни.

7. Петровская С.-Х. Академия. Авторы XIX столетия.

Высокая рыночная конъюнктура для сельскохозяйственных продуктов свойственная 60 годам, делала потерю крепостного труда не столь тягостной для помещичьего хозяйства, однако, его передовые круги со все большей и большей настойчивостью ратовали за необходимость его рационализации. Школа Павлова и Бутырский хутор казались уже недостаточными и Московское Общество Сельского Хозяйства уже в 1857 году вырабатывает записку о необходимости создания специальной высшей сельскохозяйственной школы.

Реформа 1861 года делает нужду в ней еще более настоятельной и 21 Ноября 1865 года под Москвой в старом имении Разумовских была открыта Петровская Земледельческая и Лесная Академия.

В 1866 году в Академии было уже 680 слушателей и этим был заложен очаг агрономической науки, где, говоря словами А. Ф. Фортунатова:

„Так много выросло умов, Где расцвели
столь многие мечтанья, Откуда разнеслись
по тысячам домов Живые семена
осмысленных основ — Агрономического
знанья".

Петровская Академия представляла собою уже мощный научный аппарат, стоящий вполне на уровне современной ей европейской науки. Агрономия, бывшая еще при Павлове единой, расчленилась на ряд научных дисциплин и ряд кафедр. Профессора И. А. Стебут (земледелие), А. П. Людоговский (с.-х. экономия), А. Кулешов (зоотехния), Г. Г. Густавсон (с.-х. химия), М. К. Турский (лесоводство), К. А. Тимирязев (ботаника), Р. И. Шредер (садоводство), В. К. Делля-Вос (с.-х. машины) и управляющий академической фермой В. З. Марковский поднял научный авторитет академии на

исключительную высоту и сумел наиболее ценные достижения современной им европейской науки претворить в русскую действительность'

Нельзя забывать, что это было поколение шестидесятников, поколение Менделеева и Бутлерова, и в активе этого периода развития русской науки наша Академия на-ряду с менделеевской периодической системой элементов вписала „Основы полевой культуры" Стебута, анализ работы хлоро-фильного зерна Тимирязева и экономические исследования Людоговского.

Рациональная агрономия становится реальностью. Хозяйства Эйгельгорта, Шатилова, Левицкого и многих других хозяев эпохи создают себе, если не европейскую, то во всяком случае всероссийскую славу.

Трудами профессоров Петровской Академии почти каждая основная отрасль агрономии получила свое научное книжное оформление и все они увенчались знаменитой „Настольной книгой русского агронома", своего рода полной энциклопедией с.-х. знаний, на которой выучилось не одно поколение русских с.-х. деятелей.

В области общих вопросов организации сельского хозяйства и сельскохозяйственной экономики Академия дала два имени — А. П. Людоговского и А. Н. Шишкина. Александр Петрович Людоговский (1840—1882 г.) был, подобно И. А. Стебуту, В. З. Марковскому и некоторым другим деятелям Академии, — питомцем Горьковского института. После весьма успешного окончания института, он защитил магистерскую диссертацию „Подсолнечник. Принятие, распределение и движение минеральных питательных веществ в связи с образованием вещества" и был направлен за границу. Его дальнейшие работы потекли, однако, уже в области сельскохозяйственной экономики. Он внимательно штудировал немецкую сельскохозяйственную экономику эпохи Блока, Бирнбаума и других основателей учения об организации хозяйства, знакомится с современными ему французскими авторами и вернувшись в Россию сводить все почерпнутые им европейские познания в обширный труд „Основы с/х. экономики и с/х. счетоводства", СПб, 1875 г. Эта книга подводит итоги всей до — Гольцевской экономической науки о сельском хозяйстве и на ряд десятилетий становится

основным русским пособием для изучения — как экономии земледелия, так равно и организации хозяйства, делая доступным для русского читателя весь научный опыт Западной Европы. Немалую роль в развитии сельско-хозяйственной статистики играет его эмпирическая работа о сельском хозяйстве Московской губернии, напечатанная в 1864 году.

К сожалению, тяжелая болезнь не дала ему полностью развить свои творческие силы и унесла его с земных путей на 42 году жизни.

Его ученик и приемник по кафедре Александр Николаевич Шишкин, окончивший Академию в 1870 году, также был не столько исследователем, сколько организатором и педагогом, чему свидетельствует его курс с/х. экономии, расхвалившийся в огромном количестве экземпляров.

Другим очагом с/х. науки в конце XIX века был Ново-Александровский с/х. институт, в котором многие годы работал крупнейший из сельско-хозяйственных экономистов России — Александр Иванович Скворцов.

Его первая же крупная работа, посвященная „влиянию парового транспорта на сельское хозяйство", обратила на себя всеобщее внимание. Не меньшего внимания заслуживает его работа о сельско-хозяйственной таксации. А Скворцовские „Основы экономии земледелия" являются бесспорно и по сие время крупнейшей теоретической книгой в области русской сельско-хозяйственной экономии. В последние годы жизни его теоретический интерес обратился к изучению с/х. географии и его сельскохозяйственные районы составили целый этап в развитии учения о районировании.

Не меньшей была и его педагогическая роль. Из его школы вышла целая плеяда профессоров, а его занятия на ферме дали большое число крупных организаторов хозяйства.

Питомцы старой Петровки и Ново-Александрии создали в конце XIX века целую эпоху в развитии нашего сельского хозяйства. Они были первыми статистиками (В. Григорьев, Г. Баскин, П. Неволин и др.), первыми земскими агрономами (В. Владимирский, М. Шатерников, М. Вонзблейн и др. и на их же долго выпало создание русского опытного дела.

Вряд ли нужно указывать теперь на значение опытной работы. Ее заслуги и результаты ясны теперь каждому, кто соприкасается с сельским хозяйством. Именно поэтому не приходится забывать работу пионеров опытного дела,

заложивших его основы и боровшихся за самый факт его существования. После первых попыток поставить опытное дело при Высших с/х школах и опытов Энгельгарта и Шатилова за организацию опытных полей берутся наиболее передовые земства. Возникают Полтавское, Херсонское, Вятское и другие опытные поля. В конце 1890 годов к ним присоединяются казенные поля и концу века мы можем в России насчитать уже 47 опытных учреждений.

Работы Третьякова на Полтавском опытном поле, Винера на Шатиловском поле, Рождественского на Ивановском, Жукова на Безенчуке и ряда других агрономов опытников создали ряд блестящих страниц русской агрономии.

Научная деятельность агрономии конца XIX века выразилась не только в работе высших школ и опытных учреждений, но и за их стенами.

Говоря об этой эпохе, мы не можем не отметить три ее крупнейших имени—Ермолова, Клингена и Мертваго.

Ермолов в качестве министра земледелия был крупнейшим организатором различных сторон нашего сельского хозяйства, восстановителем закрытой правительством Петровской с/х. Академии, но для нас он важен, главным образом, своим исключительным по глубине и количеству материала исследователем о системах хозяйства. Эта книга, вышедшая четырьмя изданиями и всегда бывшая одним из китов с/х. литературы, осталась им и до сего времени. Ее значение выходит далеко за пределы русской науки и недаром сам Аэребо в предисловии к своей основной книге по организации сельского-хозяйства указывает на Ермолова как на одного из своих главных учителей.

Клинген, автор капитального исследования „Среди патриархов земледелия" (Египет, Индия, Китай и пр.) и большой работы о травах в поле, был одним из популярнейших агрономов своего времени, основателем многих агрономических общественных начинаний и организатором известного опыта государственного регулирования севооборотов и посевов среди крестьян-арендаторов удельных земель.

Имя Мертваго неразрывно связано с именем редактированного им в течении многих лет журнала

„Хозяин“. Блестящий публицист, продолжатель традиций А. Болотова и Д. Шелехова, он был лучшим в России и до сих пор еще непревзойденным сельско-хозяйственным журналистом. Бойкое перо соединялось в нем с глубоким знанием и пониманием сельского хозяйства и какой-то исключительной агрономической интуицией, делавшим его многие десятилетия едва ли не самым чутким нервом нашей с/х. жизни.

Перечисленными деятелями, в сущности говоря, заканчивается старая Павловская традиция нашей с/х. науки и жизни, так как несмотря на свои исключительные заслуги перед нашей новой агрономией — они были связаны своими корнями с отмиравшим уже к началу XX века помещичьим хозяйством. Однако, уже и в их работах, а главным образом, в работах их читателей и учеников мы могли в последние годы XIX века нащупать совершенно иное социальное содержание.

8. Перелом конца XIX века. Экономия и агрономия крестьянского хозяйства.

Конец 70 — 80 годов ознаменовался в нашем народном хозяйстве тяжелым сельско-хозяйственным кризисом.

Развитие парового транспорта жестоко ударило по экстенсивному зерновому хозяйству наших помещичьих хозяйств, которое было начато еще в эпоху барщины и успешно продолжалось при временном обремененном периоде и при периоде дешевого наемного труда. Американская конкуренция на европейских рынках, уронившая вдвое европейские цены, с такой же силой, как и по европейскому земледелию, ударила по нашим районам, тяготевшим к портам и к экспорту, в развитие сети внутренних железных дорог столь разгромили высокие доходы Ельца, Лебедяни и других средне-черноземных центров помещичьего зернового хозяйства, бросив на московский рынок дешевый южный хлеб. Старые устои хозяйства под давлением этого кризиса начали расползаться по всем швам. С этим совпало обострение крестьянского малоземелья и появление, так называемого, аграрного перенаселения в целом ряде районов. Крестьянское хозяйство в поисках за землей, начало выплачивать за покупаемые им земли цены, а равно и арендные

платежи, значительно превышающие те ренты, которые смогли получить помещичьи хозяйства в своих собственных предприятиях. Капитализированная рента оказалась ниже возможной цены реализации земли и это обусловило почти катастрофическую по своей скорости самоликвидацию помещичьих хозяйств. Так, например, в 1877 г. помещики уже ликвидировали 13% земли, принадлежавшей им при освобождении крестьян, в 1887 г.—24%, в 1897 г.— 35%,, 1905 г. — 48%, а к 1916 г. было ликвидировано уже 59% старой помещичьей площади, а из оставшихся 41%, почти половина находилась в арендном пользовании крестьян.

Само собой понятно, что этот процесс перенес центр тяжести с.-х. производства с помещичьих хозяйств на хозяйство крестьянское, к тому же не мог не отразиться на составе агрономических знаний и проблем и в пределах самого помещичьего хозяйства, в сущности говоря, начали развиваться совершенно другие формы и наиболее жизненными» наиболее крепкими и устойчивыми оказались те из помещичьих хозяйств, которые бы ли с в я з а н ы с винокуренными, с в е к л о-с а х а р н ы м и и другими техническими производствами и которые велись, в сущности говоря, уже совершенно другим социальным классом, заменяющим собою поместное дворянство.

Этот перенос центра тяжести, естественно, не мог не отразиться на идеологии эпохи и на развитии с.-х. науки.

В круг наблюдений ученого все больше и больше входят вопросы, связанные с крестьянским хозяйством. С самого начала земской статистической работы крестьянское хозяйство делается основным объектом изучения. Недавно выпущенный Научно-Исследовательским Институтом С.-Х. Экономии обширный систематический указатель более чем к 5 тыс. томов земской статистики, указывает всю ту колоссальную работу, по изучению крестьянского хозяйства, которая была проделана за 58 лет земской статистики. В 80 годах земство заводит в массовом размере земских агрономов, имеющих своей задачей именно крестьянское хозяйство. Само собой понятно, что ученые статистики, работающие над подворными и поселенными статистическими карточками, группирующие, обобщающие их, и земские агрономы, работающие в глубине деревни должны были столкнуться с совершенно новыми вопросами жизни и поставить их перед

собой. Необходимо, впрочем, признать, что академические центры и даже авторы больших научных работ в высшей степени туго шли на перемещение центра тяжести аграрных интересов и очень долго вопросы крестьянского хозяйства трактовались по преимуществу в обще-экономической литературе экономистами горожанами, ставившими перед собой широкие социальные и социально-политические вопросы, анализирующие процессы дифференциацией хозяйства, формы земельного владения и прочее. Даже глубокие по своей агрономической мысли работы Энгельгардта и его знаменитые письма из деревни, в которых содержится целый ряд самых глубоких замечаний по поводу хозяйства, вообще, и крестьянского, в частности, были все таки рассуждениями помещика, наблюдавшего между другими своими занятиями и со стороны также и крестьянские хозяйства. Агрономическая наука в лице общего и частного земледелия, зоотехнии и организации хозяйства, подходит к проблемам крестьянского хозяйства значительно позднее и только в начале XX века мы имеем в этих вопросах крупные работы и крупные общественные движения.

Это была прежде всего идейная борьба народников и марксистов по вопросу о крупном и мелком хозяйстве и о развитии капитализма в сельском хозяйстве, разыгравшаяся в ниде острых дискуссий на заседаниях Вольно-Экономического Общества в Петербурге и представлявшая скорее общественно-экономическую полемику, чем явление в области развития сельско-хозяйственной мысли в тесном смысле.

Работа марксистов и народников, принимавших участие и этой полемике Гуревича, Николая-она, В. В. (Воронцова). Булгакова и других, впервые развернули перед русской наукой целый ряд основных народно-хозяйственных проблем, работа над которыми во многом продолжается и до сего времени.

Другим, для нас гораздо более характерным, явлением— явилась перемена в самом составе агрономических проблем и сельскохозяйственных наук, происшедшая в эти же годы в Петровской Сельско-Хозяйственной Академии и в стенах Московского Общества Сельского Хозяйства. Там, где раньше обсуждались только вопросы о породах скота и новых сельско-хозяйственных машинах, применении химических

удобрений и т. п. технических улучшений и нововведениях, начали говорить о задачах агрономической помощи населению, о сельско-хозяйственной кооперации, о тщательном ориншзационном изучении крестьянских хозяйств, об их организационных планах, формах их земельного устройства и т. п. Эти новые идеи были выброшены на арену общественного внимания соприкоснувшимися с деревенской действительностью работниками земств, по преимуществу, так называемым, третьим, т.-е. служилым элементом — статистиками, агрономами и другими местными деятелями. Земско-статистические исследования, начавшиеся уже с конца 60 годов, впервые поставили перед нами вопросы изучения крестьянского хозяйства и при этом не только, как субъекта, платящего оброк и долженствующего быть использованным для барщины, а как самостоятельного хозяйства — явления, подлежащего всестороннему изучению. Русская община, социально-экономические отношения деревни, аренда, обеспеченность крестьян средствами производства, — сделались предметом самого кропотливого, самого тщательного исследования, а результаты этого исследования поставили перед наукой и общественным мнением целый ряд вопросов, ранее никогда неподнимавшихся и вовсе неизвестных.

За 50 лет существования земской статистики ею было выпущено несколько тысяч книг, которые в главной своей массе были посвящены изучению социальных проблем деревни. В 80 годах крестьянское хозяйство привлекает к себе новые кадры работников, в виду так называемых земских агрономов, приглашавшихся специально для того, чтобы содействовать сельско-хозяйственному улучшению в толще крестьянского хозяйства.

Всероссийский агрономический съезд 1901 года подводит впервые итоги этим новым видам сельско-хозяйственной деятельности и сельско-хозяйственного мышления.

Доклады: А. Ф. Фортунатова — О задачах деятельности русских местных агрономов, М.. В. Неручева — О формах сельско-хозяйственной организации земств, М. Девеля — Об основах земской агрономии, С. К. Алексеенко — О регулировании общинного землевладения, К. А. Мациевича — О проекте земской агрономической организации, Ф. Б. Яновчика и В. М. Сазонова — об очередных задачах в области

сельского хозяйства, и целый ряд других — развертывают перед нами совершенно иной строй мысли, чем это было свойственно общественным собраниям, кафедрам и школам предыдущего крупно-помещичьего земледелия. И даже князь Щербатов, — председатель Московского Общества Сельского Хозяйства, — и тот посвятил свой доклад „Попечению о мелком землевладении и задачах, стоящих в деле его организации“.

Идеи, высказанные на этом съезде послужили исходным пунктом для развития нашей агрономической мысли последующих двух десятилетий. Местный агроном, как организатор крестьянских хозяйств, как деятель, увязывающий развитие науки с хозяйствами конкретных „Сидоров Карповых“ — встал во весь рост на этом съезде и предопределил собой дальнейшее развитие общественной мысли. У отмирающих дворянских землевладений подрывалась одна позиция за другой и вскоре, во время революции 1905 года, старая помещичья цитадель Московского Общества Сельского Хозяйства была захвачена как тогда называли „краснокожими“, т.-е. левыми интеллигентскими кругами, и на месте князя Щербатова его руководителем оказались, конечно, не сами крестьяне, но левые аграрные деятели, видящие в развитии крестьянского хозяйства пути аграрного развития России.

А. Фортунатов, Н. Каблуков, А. Чупров, Д. Прянишников, А. Левицкий, А. Дояренко, М. Вонзблейн, М. Шастерников, В. Владимирский и другие деятели и писатели эпохи весьма деятельно и тонко прорабатывают новые задачи науки и практики сельского хозяйства. Однако, идеи развиваемые на съездах и печатаемые в журналах этого времени до некоторой степени опережали собой развитие сельскохозяйственной жизни страны, или точнее, — они были отражением наших передовых районов, районов, в которых товарные формы хозяйства уже сломили старый натуральный уклад. Только в период с 1905 года по 1911 г. темп развития товарного хозяйства и широкой агрономической деятельности, соединенная с быстрым развитием кооперации действительно переустраивают все основы нашего деревенского быта. К статистику и агроному присоединяется сельский кооператор, как новая фигура на деревенском горизонте. Всероссийский Кооперативный Съезд 1908 года играет для кооперации ту же роль, которую съезд 1901 года сыграл для земской агрономии, а областные сельско-хозяй-

ственные съезды — Екатеринославский 1910 г. и Московский 1911г.—в полной мере развертывают программу дальнейшего развития научной мысли в области сельского хозяйства.

Пятилетие с 1909 г. по 1914 г. было той эпохой, когда более или менее четко оформились эти новые веяния и когда перед агрономической наукой были поставлены во весь рост задачи организации крестьянами хозяйств его кооперирования и создания форм общественного содействия ему.

Литературными органами этой эпохи являлись Московский „Вестник Сельского Хозяйства“, издававшийся Московским Обществом Сельского хозяйства и руководимый А. Г. Дояренко, Петербургская „Земледельческая газета“, руководимая А. К. Гвоздецким и А. О. Фабрикантом и, главным образом, Харьковские издания „Южно-Русская с/х. газета“ и «Агрономический журнал», руководимые целой группой молодых агрономов в составе К. Мацевича, Б. Бруцкуса, А. Челин-цева, К. Маньковского и других.

Эти годы создали целое поколение агрономов и экономистов настолько многочисленное, что в пределах нашего краткого очерка мы лишены возможности их даже перечислить.

Все они сочетали в той или иной мере традиции русской науки с большим влиянием Э. Лаура и Ф. Аэребо и с большой энергией приступили к изучению и организации крестьянского хозяйства.

Однако, эпоха эта смогла только подготовить эти вопросы, но не имела времени их разрешить. Война и революция на многие годы задержали научную работу и трудная и ответственная задача разрешения поставленных проблем всецело ложится на нашу советскую современность.